

Махрова Т.К.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕНЕВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена деятельности государства на разных этапах своей истории по созданию механизмов противодействия криминализации экономических отношений.

Ключевые слова: рыночная экономика, государственное регулирование, теневая экономика, противодействие.

Теневые экономические процессы в современном понимании связаны с деятельностью, приносящей доход, и движением денежных потоков вне правового поля. Нелегальные рынки выведены из сферы государственного контроля, они могут охватывать производство и сбыт как вполне легальных видов товаров и услуг, так и запрещенных государством к производству и свободному обороту. В любом случае государство не только теряет контроль над определенной экономической сферой, но и источник пополнения казны. Формирование круга проблем, связанных с внелегальной экономикой, зависит от наличия и особенностей системы государственного регулирования экономики, нормативной правовой базы такого регулирования, эффективности правоприменительного механизма. Немаловажное значение имеют и такие институциональные факторы, как сформировавшиеся традиции жизненного уклада населения и отдельных его групп, уровень общей и правовой культуры, менталитет участников рыночной деятельности. Все эти элементы современной рыночной среды – внутренней и внешней – имеют, как правило, и исторические корни. Государство на разных этапах своей истории опробует инструменты, создает механизмы противодействия внелегальности экономической деятельности. Этот исторический опыт становится для нас более интересен по мере приближения рыночной среды к ее современному облику (конечно, с учетом условности такого сближения, но не идентификации).

Формирование промышленной экономической структуры в аграрной России связы-

вают с эпохой ее буржуазного реформирования второй половины XIX – начала XX вв. и последующими революционными преобразованиями периода первых советских пятилеток. Рыночная среда за этот период менялась и подвергалась существенным искажениям, включая и пропорции легальности и внелегальности (а также представления об этих пропорциях, обусловленные разными идеологическими парадигмами). Тем интереснее для исследования эпоха, ставшая в истории России в определенном смысле переходной с точки зрения ее европеизации, восприятия идей и проектов преобразования экономических, социальных и политических институтов. Речь идет о периоде конца XVIII – первой половины XIX вв. Не рассматривая затянувшийся спор «западников» и «славянофилов», отметим, что именно в этот период Россия в лице части ее аристократической и бюрократической элиты, разночинной интеллигенции, передового офицерства, активного предпринимательского слоя начинает отказываться от архаических и варварских форм мысли и деятельности в пользу защиты и реализации идей Просвещения и так называемого «догоняющего развития». С экономической точки зрения – это развитие в сторону рынка и конкуренции, снятия сословных и иных феодальных ограничений, оно затянется более чем на столетие, в течение которого периоды либеральных увлечений будут сменяться наступлением реакции, а реформы – контрреформами. Как бы то ни было, рыночная экономика с государственным регулированием сопряжена с наличием рынков теневых, существование кото-

рых современная наука объясняет как реакцией рыночных субъектов на избыточное госрегулирование, так и природой стремящегося к максимизации выгоды «экономического человека».

Исследования таких рынков обособляются в подотрасль социально-экономического знания в 1960–70-е гг.¹, часто имеют региональный характер, иногда содержат и исторические реминисценции, позволяющие лучше понять суть явления или закономерность процесса. Для российских исследователей, занимающихся проблемами теневой экономики, важен аспект ее масштабности, объяснения причин разрастания границ теневого сектора до угрожающих размеров, зафиксированного на рубеже XX–XXI вв., поиск эффективных способов противодействия криминализации экономических отношений. Конечно, причинно-следственные связи обнаруживаются при изучении определенного исторического периода – последних советских десятилетий и первых постсоветских², однако при этом важно избежать соблазна списать всю «вину» на особенности советской социально-экономической системы. Существует и опасность экстраполяции, распространения «в глубь веков» скороспелых выводов о «ментальной предрасположенности» к определенным моделям поведения (например, коррупционного), о неискоренимой предпринимательской алчности и склонности к обману ради прибыли. Но в этом случае придется «забыть» знаменитый девиз Нижегородской ярмарки: «Прибыль превыше всего, но честь – превыше прибыли».

Обращаясь к полувековой эпохе подготовки буржуазных реформ в России, стараемся не забыть, а, наоборот, «вспомнить», собрать и сохранить свидетельства «живой» повседневной истории конкретного региона, определить тот арсенал инструментов, прежде всего правовых, с помощью которого государство осуществляло в этот период свои функции регулирования – регулирования не только рынков, но и нравов. Архивные хранилища Уральского региона предлагают нам материал для размышления, а может быть,

и выводов о том, «насколько мы были благодарны... в тот небольшой промежуток времени, когда мы отошли от варварства и породили великую русскую литературу». Нет возможности, к сожалению, сослаться на автора цитаты, но не процитировать невозможно...

Урал как объект исследования привлекает своим ресурсным богатством. И не только исследователей: известно, что теневые структуры именно в таких регионах ищут возможностей извлечения дохода, тех самых «бешеных денег»³. Оренбургский край в XIX в. – пограничный, в процессе заселения, с постоянным движением неоднородного – в национальном, сословном, религиозном отношении – населения, с растущей приграничной торговлей при недостаточном таможенном контроле. Более того, по ту сторону границы, в Бухаре, налажен в конце XVIII в. и продолжается в течение нескольких десятилетий выпуск фальшивых ассигнаций, распространяемых по территории России и составивших даже «конкуренцию» знаменитым «наполеоновкам»⁴. Остается добавить, что Оренбургский край был местом ссылки неблагонадежных, в частности дворян, занимавшихся тайным винокурением (при повторном обвинении по Уставу о винокурении 1765 г., ссылались в Оренбург и замеченные в корчемстве дворовые, если не годились для отдачи в солдаты⁵). Для организации теневых промыслов – удобно, для эффективной работы контролирующих органов и полиции – вряд ли.

Не урегулированы были многие вопросы и в правовом отношении. Именно в интересующий нас период усилиями учрежденных сначала Александром I, а затем Николаем I структур была проведена грандиозная работа по систематизации российского законодательства и составлению в соответствии с хронологическим принципом 46 томов Полного собрания законов (далее – ПСЗ), ставшего основой для создания 15-томного Свода законов Российской империи, ориентированного уже на действующие нормы и отраслевой

принцип построения. При составлении Свода, по мнению исследователей, не была преодолена казуальность, недостаточная определенность признаков составов преступлений и санкций, разбросанность отраслевых норм по разным томам, наличие пробелов в уголовном законодательстве⁶. Эти недостатки не были полностью преодолены и на следующем этапе кодификационной работы – при подготовке Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденного указом императора 15 августа 1845 г. Тем не менее, уровень юридической техники вырос, группировка составов преступлений в 12 разделах кодекса была осуществлена более чем по 150 направлениям. Среди них мы находим и раздел VII, сконцентрировавший основные составы, отражающие суть вилегальной экономической деятельности в ее современном понимании: «О преступлениях и проступках против имущества и доходов казны» (ст. 581–1006). Раздел содержит 9 глав: глава 1. Положения общие; глава 2. О нарушении уставов монетных; глава 3. О нарушении уставов о гербовой бумаге; глава 4. О нарушении уставов горных; глава 5. О нарушении уставов о соли; глава 6. О нарушении постановления по питейному сбору и акцизу; глава 7. О нарушении уставов о выделке и продаже табака; глава 8. О нарушении уставов таможенных; глава 9. О нарушении уставов о казенных лесах⁷. Сами названия глав указывают на те ресурсы, получение доходов от которых интересовало, с одной стороны, государство, с другой стороны, людей предприимчивых, в том числе и склонных действовать в обход закона. Еще один ресурс, называемый сегодня административным, отражен в разделе V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной».

Аналогичное структурирование теневого рынка для решения задач нашего исследования выглядит вполне возможным. Конечно, само представление о существовании такого рынка еще размыто, не обобщено в статистике общеимперского или регионального уровня, но осознание ущерба, наносимого вилегальной деятельностью

государству, стремление его предотвратить или уменьшить, несомненно, присутствует в циркулярах и протоколах управленческих структур, переписке между государственными деятелями, чиновниками на местах и других документальных источниках.

В отношении определенных видов деятельности есть и достаточно четкие определения. Примером может служить известное со времен Московской Руси корчемство – тайное изготовление, провоз и продажа товаров, обложенных акцизом или составляющих регалию казны (вино, пиво, табак, соль). Для Оренбургского края актуально было не только общероссийское по масштабам питейное корчемство, но и соляное: на территории края располагался Илецкий соляной промысел (в 72 верстах от Оренбурга) и «самосадочные» соляные озера (в Челябинском уезде).

Развитие горных промыслов на Урале стало делом государственным и крупномасштабным, но один из его сегментов – золотодобыча – технологически давал возможность заниматься старательскими работами частным образом и тайно сбывать продукцию, имевшую в малом объеме высокую стоимость и пользовавшуюся постоянным спросом, например, у «азиатцев» (нелегальный товар направлялся с караванами в Бухару, Китай, часть – на Нижегородскую ярмарку). Легальные частные промыслы несли большие потери из-за хищений добытого золота, занимались ими самые различные категории населения, включая специально нанимаемых для охраны приисков местных жителей⁸.

Похищенное золото было лишь частью более обширного нелегального рынка краденых вещей, бороться с которым полиции всегда было сложно, а на приграничной территории особенно. Малодоступной для эффективного розыска была и территория башкирских кантонов, казахских кочевий. С этой проблемой столкнулись местные власти и при расследовании дел о фальшивых ассигнаций, которые из Бухары при посредничестве купцов-караванщиков и местных чиновников распространялись с территории края в центральные российские губернии.

Примечания

1. Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика. – М. : Норма, 2006. – С. 91.
2. Там же. – С. 251–281.
3. См. подр.: Логинов О. Ю. Бешеные деньги. От фальшивых монет до финансовых «пирамид». – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.
4. См. подр.: Махрова Т. К. Сыск по делам о фальшивомонетничестве на территории Оренбургской губернии в первой половине XIX века // Силовые структуры России: история и современность : сб. науч. ст. ; под ред. В. В. Черных. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2009. – Вып. 14. – С. 104–116; Она же. Распространение фальшивых ассигнаций в Оренбургской губернии на рубеже XVIII-XIX вв. (из истории борьбы с фальшивомонетничеством) // Юридическая теория и практика. – 2009. – № 1. – С. 114–117.
5. См. подр.: Фирсов Н. Н. Русское законодательство о хлебном вине в XVIII столетии (страница из истории права XVIII столетия). – Казань : тип. Имп. ун-та, 1892. – 23 с.
6. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. Т.6 : Законодательство первой половины XIX века ; под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1988. – С. 161.
7. Там же. – С. 166.
8. Вишев И. И. О некоторых аспектах хищений золота на приисках Южного Урала в XIX веке // Жизнь в истории : сб. науч. ст. к 85-летию проф. А.П. Абрамовского / ред.-сост. Е. А. Калинкина, П. Ф. Назыров, О. Ю. Никонова. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 55-62.

Махрова Татьяна Кимовна, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин факультета Подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), доктор исторических наук, доцент.